

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Рецепции культурологических идей Я. Гримма
в фольклорно-мифологических исследованиях Ф. И. Буслаева**

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России

Статья является продолжением серии публикаций о выдающемся русском ученом Федоре Ивановиче Буслаеве [17]. В статье рассматриваются рецепции основных культурологических идей профессора Геттингенского и Берлинского университетов, члена Прусской Академии наук, выдающегося немецкого ученого в области языкознания, фольклора и мифологии первой половины XIX в. Якоба Гримма в фольклорно-мифологических исследованиях Ф. И. Буслаева. Отмечается, что, по признанию Ф. И. Буслаева, он в своих исследованиях шел по стопам великого предшественника, который в «осколках» и «остатках» национальной старины стремился обнаружить некогда целостное и нравственно совершенное народное предание, ставшее фундаментом немецкой цивилизации. В статье проакцентировано, что Ф. И. Буслаев поставил и решил аналогичную задачу применительно к русскому народному творчеству. Подобно Я. Гримму, Ф. И. Буслаев подчеркивал достоинства «истинной» народной поэзии и несовершенство более позднего авторского творчества, зависевшего от даровитости сочинителя и влияния идейных потребностей его эпохи. Отмечается, что Ф. И. Буслаев первым в отечественной науке обосновал теоретико-методологические подходы к изучению народности и архетипов национальной культуры, которые, несмотря на допущенные им неточности, не утратили своей актуальности и в наше время.

Ключевые слова: народ, народность, «дух народа», надындивидуальное народное творчество, фольклор, мифология, индоевропейцы, язычество, христианство, архетипическое основание национальной культуры (язык, народная поэзия, народная религия), мифологическая концепция, сравнительно-исторический метод.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Receptions of Ja. Grimm's Culturological Ideas
in F. I. Buslaev's Folklore and Mythological Researches**

This article is continuation of a series of publications on outstanding Russian scientist Fedor Ivanovich Buslaev [17]. In the article receptions of the main culturological ideas of Professor of Goettingen and Berlin universities, member of Prussian Academy of Sciences, outstanding German scientist in the field of linguistics, folklore and mythology of the first half of the 19th century Jacob Grimm in I. Buslaev's folklore and mythological researches are considered. It is noted that due to F. I. Buslaev's recognition, he in his researches followed footsteps of a great predecessor, who in «splinters» and «remaining balance» of national old times aimed to find once a complete and perfect national legend which became the base of the German civilization. In the article it is emphasized that F. I. Buslaev set and solved the similar task in relation to the Russian folk art. Like Ja. Grimm, F. I. Buslaev emphasized advantages of «true» national poetry and imperfection of more late author's works depending on talent of the author and influence of ideological requirements of his era. It is noted that F. I. Buslaev was the first one who proved in Russian science theoretic-methodological approaches to study nationality and archetypes of the national culture which, despite some his inaccuracies, didn't lose its relevance today.

Keywords: people, nationality, «spirit of the people», overindividual folk art, folklore, mythology, Indo-Europeans, paganism, Christianity, archetypic basis of national culture (language, national poetry, national religion), mythological concept, comparative-historical method.

Научное мировоззрение Ф. И. Буслаева формировалось под мощным влиянием немецкого сравнительно-исторического языкознания, переживавшего на рубеже XVIII–XIX вв. «философский век», и «науки наук» – философии, укорененной в языкознании, поэтому его главными учеными наставниками были философствующие языковеды и искусные в филологии философы В. Гумбольдт (1767–1835), Ф. Бопп (1791–1867), Я. Гримм (1785–1863).

Познакомившись с их научными открытиями еще в студенческие годы и в период подготовки магистерских экзаменов [2, с. 123, 128, 281], Ф. И. Буслаев был уверен в том, что благодаря именно этим блестящим знатокам науки, самоотверженно преданным служению истине, он осознал свои духовные потребности, обрел смысл существования, который отныне был немислим без «любви к науке» [2, с. 86, 281].

Среди прославленных учителей Ф. И. Буслаева особое место принадлежало, по

его собственным признаниям, лингвисту, мифологу и фольклористу Я. Гримму.

«Обаятельная сила» исторической грамматики немецких наречий, которую Я. Гримм применил для реконструкции немецкой мифологии и немецких юридических древностей, сыграла роль катализатора научных интенций Ф. И. Буслаева. Новизна идей и ошеломляющие результаты предпринятых усилий осмысления национальной старины так «воодушевили» его, что он, еще будучи студентом, без всяких колебаний причислил себя к отряду «самых ревностных и преданнейших поклонников» этого выдающегося немецкого ученого первой половины XIX в. [2, с. 128, 281].

В своих многочисленных работах Ф. И. Буслаев, преисполненный уважения к «великому филологу нашего времени», откровенно признается в том, что он шел по стопам великого предшественника и в языковедческих, и в фольклорно-мифологических изысканиях [5, с. 26, 66]. «Мощный дух» этого апостола науки, «глубина и полнота воззрений на самую сущность изучаемого предмета», безошибочность и безупречность в средствах познания «народного духа» через памятники немецких древностей превратили этого неутомимого мыслителя, по мнению Ф. И. Буслаева, в основоположника интегративных «историко-лингвистических исследований», соединявших «строгую точность грамматиста» с передовыми историческими и философскими воззрениями его времени [10, с. 517, 518].

Якоб Гримм¹ – юрист по образованию, ученик Ф. К. фон Савиньи, профессор Геттингенского и Берлинского университетов, член Прусской Академии наук – и в настоящее время считается непререкаемым авторитетом в области языкознания и фольклора [15, с. 637, прим. 1]. В начале XIX в., в период расцвета романтизма, изучение немецкого национального самосознания при помощи произведений народной словесности, привлечение памятников фольклора для реставрации целостной истории немецкого народа, обоснование язычества основным элементом национальной культуры ознаменовали открытие целой эпохи в изучении бессознательного коллективного творчества масс и в опытах воспроизведения картины мира человека «первобытной цивилизации» Европы.

Апология национальной народной культуры вылилась в возвышенное поэтическое воссоздание Я. Гриммом древности немецкого народа, которая представлялась ему порой «неиспорченного детства и отрочества... исполненной чувства природы, нравственной чистоты и непосред-

ственности, богатого творчества фантазии, оживленной и выраженной общенародной поэзией» [20, с. 708].

Завидная эрудиция и умелая систематизация колоссального материала источников: сказок, преданий, легендарного эпоса «Эдды» и «Нибелунгов», мифов, песен, то есть всей народной поэзии, древнейших форм верований и ритуалов, нравственного и «юридического быта» – соединялись еще и с «математически точным» лингвистическим анализом старинных форм немецкого языка ради достижения великой и благородной, нравственно-патриотической, цели – «возвышения отечества», которое, по убеждению Я. Гримма, нужно было в «освещении лучами прошлого» [12, с. 71].

«Темное, мрачное Средневековье», каким оно виделось ученым эпохи Просвещения, в культурно-исторических сочинениях Я. Гримма превращалось в ключевой период формирования великой немецкой нации, в фундамент национальной культуры Германии, эпоху ее абсолютной свободы, в «главный этап развития ее первоначальной, первобытной, цивилизации, в которой народ и нация сливались воедино» [15, с. 254].

Средневековый мир, представленный в сохраненных историей памятниках скандинавской, датской, исландской, испанской народной словесности, оживал в его воображении, превращаясь в яркую, поэтически окрашенную картину, становился мудрым и величавым, и это новое «изображение Средних веков и их отражения в бережно хранимых преданиях современных народов» производило сильное впечатление, которое, как отмечал А. Н. Пыпин, «отозвалось и у нас», в России. Критик смело заявляет о появлении большого количества последователей Я. Гримма и даже о создании особой отечественной «научной школы», во главе которой оказался Ф. И. Буслаев [19, с. 103, 220, 221; 20, с. 719].

Присовокупляя к своим научным ориентирам патриотические настроения, разбухшие войной Германии с армией Наполеона, Я. Гримм стремился отыскать во всех бережно собиравшихся им «остатках и осколках» старины [12, с. 56] некогда целостное и нравственно совершенное народное предание и обнаружить в нем те аксиологические и эстетические достоинства, которые народ закладывал в фундамент своей цивилизации [20, с. 723]. Оставаясь в стороне от «реакционных общественно-политических выводов», которыми грешили немецкие романтики, он присвоил себе только характерный этому типу культуры подход к освещению давно минувших эпох – идеализацию. «Германская древность и

Средние века почти казались ему простодушной, но невинной и поэтической Аркадией... Его личная натура... и пристрастие идеалиста выискивали в этом мире все, что было в нем поэтического, человечески истинного и достойного, и народный обычай, и предание, в которых он находил это, получали в его глазах ореол высочайшего достоинства» [20, с. 710].

Уже самые первые опыты изучения немецких древностей² заставили Я. Гримма прийти к убеждению в превосходстве «первобытной народной поэзии» – проявлении в человеке божественного – над искусственной (авторской, рефлексивной) литературой.

Он был уверен в том, что народное сказание всегда истинно, потому что в его основе лежит по-детски искренняя нравственная правда, порожденная особым древним мировоззрением. Этот своеобразный способ восприятия мира и проживаемой действительности наделял «весь быт полной цельностью и единством», неосознанно сливал божественное и человеческое, религию и историю [20, с. 709].

Народная поэзия воспринималась Я. Гриммом как результат совместного творчества надындивидуальной «коллективной души», направлявшейся божественным провидением; мифология мыслилась созданием «бессознательно поэтически творящего духа»; религия понималась божественным откровением; язык трактовался не человеческим, а также «волшебным» изобретением [20, с. 717].

Сверхъестественное происхождение всех форм сознания: языка, мифологии, религии, народной поэзии – сообщало «тайное родство, общее начало» литературному творчеству всех народов, но «внутреннее согласие» этих эманаций «божественного духа», вступая в соприкосновение с «внешними условиями» жизни первобытных племен, могло претерпевать изменения [15, с. 239–241]. Сходство в языке, обычаях, вере, наблюдавшееся хотя бы у двух народов, являлось доказательством, по заключению Я. Гримма, «совпадения их возраста» [12, с. 62], то есть пребывания на аналогичной ступени культурно-исторического развития.

Желая проникнуть в «дух древности», немецкий филолог детально проштудировал архаизмы родного языка, сохранившиеся во всех жанрах народной поэзии, в нравах и обычаях жителей Германии XIX в., и, кроме того, привел язык к «историческому пониманию» [20, с. 716], чтобы в древнейших и простейших формах истинной народной словесности обнаружить первые проявления «народного духа», которые претерпевали

изменения в ходе социокультурной динамики. Бережно и с любовью относясь ко всем творениям своих далеких предков, Я. Гримм советовал коллегам и ученикам воспринимать народные предания «целомудренным взором», сторониться предвзятости в трактовке «невинной народной поэзии», бояться «производить насилие над языком», пытаясь его усовершенствовать путем исправления кажущихся ошибок [12, с. 56].

Я. Гримм был уверен в том, что «совокупность наших древнейших правовых норм проливает много света на наши старые верования и обычаи» [12, с. 57], а эти памятники древнейшего «юридического быта», в свою очередь, как и вся народная духовная культура, несут на себе печать «древненародного мировоззрения». Чтобы понять своеобразие этого мировоззрения, которое сейчас мы называем мифологическим типом мышления, он изучил содержание «народной идеи права в тех формах, в какие облекали ее народное предание и поэзия»: в юридических обычаях, изречениях, пословицах, а также в символических действиях, сопровождавших юридические сделки, причем для своих наблюдений он привлек правовые древности не только германцев, но и генетически близких им народов [20, с. 710].

Самым значительным трудом Я. Гримма, который обобщал его многолетнее изучение языка, фольклора и «народного права», стала «Немецкая мифология» (1835). В нем сформулирована наиболее важная для нашего исследования мифологическая концепция немецкого романтика, неразрывно связанная с его философскими обобщениями творческих возможностей духа народа.

Эта концепция называется «арийской», или «индоевропейской», теорией в мифологии [1, с. 51]. Название «мифологическая» она имеет потому, что универсальным основанием всей народной культуры считает мифологические воззрения, которыми обладает любой народ на первоначальной (низшей, первобытной) ступени своего культурно-исторического развития. Определение концепции «арийская» указывает на то, что народная первобытная мифология была общим способом постижения космоса, природы, человеческого сообщества у всех родственных индоевропейских племен, которых ошибочно (вместе с индоиранцами) причисляли к потомкам ариев.

В своем первоначальном виде, выражавшем единство в многообразии всех форм народного художественного творчества [12, с. 56], она существовала на исторической прародине древних

индоевропейцев до их разделения на обособленные, самостоятельно развивавшиеся племена. Рассеявшись на обширных территориях Азии и Европы, утратившие единство индоевропейцы все же смогли сохранить свое общее достояние – мифологические воззрения, хотя их совпадение или схожесть не исключают «существенных различий» даже у таких «искони родственных» по происхождению племен, как германцы и скандинавы [12, с. 54, 63]. «Бесконечно много соприкосновений» обнаруживается также у славянских, греческих и азиатских народов, о чем общают их мифологии [12, с. 65].

Хранителями общего индоевропейского мифологического достояния являются низшие слои населения, которые, пережив множество исторических переворотов, по-прежнему «нуждаются в мифе», поэтому в их сказках и преданиях, верованиях и мифах, нравах и обычаях содержатся последние «осколки» некогда единого и величественного мифологического миросозерцания [12, с. 56–60, 65].

Важнейшим источником изучения народной мифологии является язык, «архаические черты» в котором могут присутствовать на протяжении очень длительного времени [12, с. 54, 60]. Возникшие «на почве народных верований» изобразительные и поэтические виды искусства также служат сбережению этих плодов народного творчества [12, с. 69].

Первобытная языческая мифология имеет своим основанием религию, древнейшей формой которой был монотеизм. Как и Ф. Шеллинг, Я. Гримм считал монотеизм «наиболее отвечающей разуму» древних индоевропейцев формой религиозного сознания. Однако постепенно, в процессе «расщепления одного-единственного бога», по какой-то «бессознательной невинности» возникло многобожие. Возвращение к монотеизму может произойти в любой момент человеческой истории, так как для этого требуется усилие только одного духа «овладеть собой» [12, с. 69, 70].

Многие века язычество было «внутренней жизнью народа», главным воплощением народного духа, поэтому ассоциация язычества с первобытной грубостью недопустима: в нем впервые воплотились «лучшие нравственные движения народа», позднее заимствованные «средневековой народно-христианской мифологией» [20, с. 712, 713].

Служение «старым домашним богам», которые вызвали к жизни «прекрасные и невинные языческие воззрения», учреждения и обычаи, оказало огромное воздействие на воспитание

«национального чувства» [12, с. 66]; лучшими подтверждениями единства нации стали верность преданию, приверженность старине.

Христианство, искоренившее язычество, долгое время «не было народно». Оно прервало тысячелетнюю религиозную традицию, самобытное развитие многих народов, навязав им чуждый язык и новые ценности. «За обретенное спокойствие души, за обещанное небо человек отдавал свои земные радости и память о своих предках» [20, с. 712], поэтому народ долго сопротивлялся навязыванию новой веры. Потерпев поражение от «чистого христианства», язычество с его «политеистическим принципом», идолопоклонством и священными обрядами вновь возродилось в христианских мифологии и искусстве, христианской обрядности, языческих течениях в католицизме [12, с. 66–70]. «Не полностью искорененное старое почти неосознанно соединилось с неизменным новым» [12, с. 65]. Народная религия – язычество, а не христианство или средневековое католичество, таким образом, явилось основным элементом национальной немецкой культуры.

Рассматривая мифологическую концепцию Я. Гримма, нельзя обойти вниманием его представления о мифе и мифологии. «Я полагаю, – писал ученый, что миф есть общее достояние многих народов и многие его пути нам еще не известны, но миф соответствует глубинной сути народа, чьих богов соединяет в строгую систему...» [12, с. 64].

Я. Гримм обнаружил в мифе «не произведение сознательного умозрения... а создание бессознательно поэтически творящего народного духа, аналогичное с языком». Такое восприятие мифа, по мнению мифологов XIX в., было «великим шагом вперед» в разработке мифологической теории, и, хотя немецкий романтик не был готов, подобно Д. Штраусу, распознать в мифе способ мышления народа на определенной ступени его развития, он приблизился к этому пониманию и помог своим последователям вплотную подойти к этому открытию [20, с. 717].

«Мастерское, фундаментальное произведение Гримма» [20, с. 715] «Немецкая мифология» произвело «сильное впечатление в ученом мире и было принято как «гениальное открытие» [20, с. 713]. Многие годы авторитет немецкого филолога и мыслителя был непререкаем; ученые всего мира, благодаря ему, приступили к сбору, прочтению и интерпретации многочисленных памятников «отечественной древности», которые отныне представляли перед ними как свидетельства «истинной поэзии» и народного духа в его

идеальнейших проявлениях, причем временем их создания было не Высокое Средневековье, а «эпоха нетронутой национальной жизни до введения христианства» [20, с. 714, 716].

В России, где проблема народности уже активно обсуждалась в разных по социально-политическим воззрениям интеллектуальных кругах, «гриммовская теория, вооруженная научной силой, глубоким проникновением в недоступные ранее области старины и народной жизни, сознательным возвеличением народно-поэтического содержания, теплым отношением к народу как носителю этого содержания», получила большой резонанс. Она была нужна, подчеркивал А. Н. Пыпин, «как научная основа для истолкования народности и не могла не встретить сочувствия в людях, у которых научная подготовленность к ее усвоению соединялась с таким же любящим отношением к народу, с умением понимать и одушевленно воспроизводить поэтические стороны народного предания... Такой ответ с русской стороны на учение Гримма и подан был всего более г. Буслаевым» [20, с. 700].

Ему удалось удачно разделить не только научную теорию своего наставника, но и «нравственно-общественное направление» мыслей Я. Гримма, уверял А. Н. Пыпин: романтический настрой молодого Ф. И. Буслаева помог ему «почувствовать», то есть принять не только разумом, но и интуицией, всем своим восторженным и чутким существом, величие, правдивость, искренность «многих положений немецкого авторитета» [20, с. 698], аргументированно подтвердить их научную значимость и на материалах русско-славянской народной поэзии развить и углубить.

В России 30–40-х гг. XIX в., где еще отсутствовали дефиниции понятий «народ» и «народность», руководящие идеи Я. Гримма позволили определить смысловое ядро этих научных категорий, а Ф. И. Буслаев стал первым ученым, увидевшим в русском народе единый духовный организм с неповторимым психическим складом, национальным характером и святостью традиционных устоев, уходивших своими корнями в доисторическую эпоху.

Начиная свой долгий путь в науке как филолог, увлекавшийся проблемой генезиса и исторического развития родного языка, Ф. И. Буслаев, в первую очередь, оценил отношение Я. Гримма к такому творению народного духа, как язык. Для Я. Гримма «язык, поэзия и вера» [12, с. 60] составляли глубинное архетипическое основание национальной культуры, а их единая природа – божественная сущность, наряду с органической

диффузностью и изоморфизмом, могли предоставить исследователю национального самознания безграничные возможности. Через язык, его знаково-символические, грамматические и синтаксические формы, можно было познать, по его представлениям, всю жизнь народа и, кроме того, проследить отдельные этапы культурно-исторической динамики носителей национального языка.

Историко-лингвистический (этимологический, сравнительно-типологический) анализ Я. Гримм использовал при написании всех своих трудов, посвященных народной мифологии, народному праву, народной поэзии. Ретроспективный взгляд на язык – сквозь века к древнейшим истокам – позволял ему фиксировать самые глубокие пласты коллективного сознания.

С подачи Я. Гримма границы филологической науки были значительно расширены: в ее пределы были включены сравнительное языкознание, история германских племен, их этнография (быт, обычаи), правовые древности, источниковедение и историография, германская и сравнительная мифология, фольклор, публикации с историческими комментариями памятников отечественной словесности [14, с. 449].

Ориентируясь на идеи и теоретические обобщения своего ученого наставника, Ф. И. Буслаев тоже начинает понимать язык как самое надежное свидетельство и самую полную «сокровищницу» народной жизни и национальной культуры [5, с. 271], а также рассматривать историю языка чрезвычайно широко – по существу, как народознание или прикладную историю культуры [22, с. 72].

Одну из своих самых важных в теоретико-методологическом плане работ «Эпическая поэзия» он начинает следующей мыслью: «В самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие нравственные основы своей национальности в языке и мифологии, которые состоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами... Слово есть главное и самое естественное орудие предания. К нему, как к средоточию, сходятся все тончайшие нити родной старины, все великое и святое, чем крепится нравственная жизнь народа» [11, с. 1].

С исторической точки зрения мысль о слове как незаменимом источнике изучения отжившей старины более весомо была представлена Ф. И. Буслаевым почти на десять лет раньше. В 1852 г. в своей рецензии на книгу известного историка С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» он утверждал следующее: «...для историка, повествующего об отдален-

нейшем периоде жизни народа, язык есть не только вспомогательное пособие, но и существенный источник, исторический памятник отжившей старины... Служа верным органом всех умственных успехов и одухотворяясь по требованию мысли, язык в своих первоначальных формах, искони образовавшихся и донныне живущих, должен быть рассматриваем, с точки зрения исторической критики, как памятник, изучение которого необходимо для воссоздания древнейшего периода народной жизни» [7, с. 441, 442].

Романтический универсализм и романтический синтез [14, с. 450] – два отличительных признака научного мировоззрения поклонников этого типа культуры – были убедительно представлены в сочинениях Я. Гримма, который, по наблюдениям Ф. И. Буслаева, вплетал в ткань национальной истории все проявления «национального духа» своих соотечественников: «немецкие древности, мифологию, право, науку и язык» [3, с. 470]. В своих трудах Федор Иванович тоже широко использовал рожденную романтизмом идею синкретизма на примерах «чрезвычайно широких сопоставлений языка и литературы, письменности и устных диалектов, живописи и словесности... сложных переплетений языческих и христианских элементов...» [13, с. 213].

Помимо этого, повторяя вывод Я. Гримма о смысловом и содержательном единстве народной поэзии, которая существует в многообразии жанров и форм, Ф. И. Буслаев детально изучил все звенья нерасчлененного прежде национального русского предания – плод «нераздельной нравственной деятельности целого народа, в которой каждое лицо, хотя и принимает живое участие, но не выступает еще из сплошной массы целого народа»: сказки, изречения, пословицы, поговорки, клятвы, заговоры, загадки, приметы, суеверия. «Все эти разрозненные члены одного общего сказочного предания, взятые в совокупности, составляют то целое, которое, хотя и не высказывалось во всей полноте и нераздельности ни в одной народной поэме, однако всеми чувствовалось и осознавалось как родное достояние предков» [11, с. 7, 32, 33].

Первобытный синкретизм, обнаруженный Я. Гриммом в «эпическом чудесном», то есть в древнем мирозерцании, неосознанно помещавшем в словесные произведения быль и небыль, реальность и вымысел и не различавшем истину и фантазию, был многократно подтвержден Ф. И. Буслаевым. «Древнейшая самородная поэзия», комментировал он сочинения своего кумира: «Историю немецкого языка», «Немецкие юридические древности» и «Немецкую мифоло-

гию», – имела «своим предметом весь мир и все человечество, разумеется, в том тесном объеме, в каком умела она понять и мир, и человечество». Все художественные образы ранней словесности основывались на мифах и языческих воззрениях на природу и жизнь, во всех событиях и действиях простодушная мысль народа замечала участие богов. Поэтому развязать «фантастический узел», сплетенный из действительности и «суеверных, младенческих понятий о природе», ошеломлявших сознание первых впечатлений и «старобытных верований», исследователю бывает непросто [6, с. 186, 187], однако Я. Гримму, по мнению Ф. И. Буслаева, удалось понять «мифологию языка» и его сопряженность с эпосом и через этот алгоритм осуществления историко-лингвистических процедур приблизиться к постижению специфики первобытного стиля мышления.

Ф. И. Буслаев, безмерно доверяя авторитету немецкого ученого, заимствовал уже в «готовом виде» многие теоретические положения Я. Гримма, считая их «научно установленными» [19, с. 84]. Он разделил со своим учителем концепцию языка как направляемого провидением выражения бессознательно творящего народного духа, представление о языке в виде своеобразного природного организма, теорию о двух периодах в жизни языка: эмоционально-образном и абстрактно-логическом [3, с. 471–482; 6, с. 159–191; 11, с. 7–17].

Скрупулезно собранные Я. Гриммом в ходе его «утомительных исследований» сведения из истории немецкого языка были высоко оценены Ф. И. Буслаевым и явились для него парадигмой в осуществлении собственных научных изысканий. В частности, фонетический и морфологический анализ лексических единиц, содержавших «остатки языческой старины» [7, с. 441], а также «строгая грамматическая критика» слов и выражений, сохранивших «следы давно забытого порядка вещей» [6, с. 183], присутствуют во всех его работах. Однако, строго следуя за Я. Гриммом в повторении технологий исследовательского процесса, то есть соблюдая «строгую точность грамматиста, останавливающего терпеливое внимание свое на каждой букве, на каждом едва заметном изменении звука в образовании или изменении слов», Ф. И. Буслаев, как и его ученый кумир, не превратился в «недальновидного грамматика», силившегося постичь лишь одни «лингвистические законы». Исследование «букв, приставок, окончаний» в работах и Я. Гримма, и Ф. И. Буслаева имело «разумную цель»: «изучая язык, изучать духовную жизнь

самого народа» и в сочетании звуков обнаруживать «отголосок ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений народа» [10, с. 517, 518].

Ф. И. Буслаев поддержал идею Я. Гримма о непрерывности и слабой изменчивости национальных культурно-исторических традиций, выражающих «дух народа», которые и «поныне живут в обычаях и преданиях» [12, с. 55]³. Словно вторя немецкому ученому, Ф. И. Буслаев констатировал неподвижность глубинных слоев сознания широких народных масс, резистентных даже к радикальным поворотам исторической среды. «В преданиях и обычаях народного быта, – делился он своими наблюдениями с С. М. Соловьевым, – есть нечто, выступающее из пределов исторического течения времени. Начало их восходит к эпохе доисторической... Сличение разновременных источников убедит нас в неподвижности одного и того же исторического предания... Как языческие обычаи и обряды... оставались в жизни народа безо всякого развития и дошли до нас в современных суевериях, забавах, играх и преданиях, хранимых в народе более по привычке... так и язык, несмотря на последовавшее совершенствование народа при свете христианских идей, постоянно сберегал слова и выражения, чуждые христианскому миру, хотя и безо всякого сознания говоривших» [7, с. 439–441].

Сохраненные в народной среде язык, произведения древней словесности, архаические элементы нравственного и семейного быта составляют ту священную старину, на которой покоится здание современной цивилизации, уверял Ф. И. Буслаев. Следовательно, чтобы постичь национальный характер, раскрыть специфику национального самосознания, по-новому взглянуть на проблему народности, следовало изучать истоки зарождения, особенности бытования и способы выражения народного духа.

Эта мысль объединяла Я. Гримма и Ф. И. Буслаева. Для обоих ученых не существовало сомнения в том, что только из прошлого и в соотношении с ним может быть понято настоящее [22, с. 74].

Русскому романтику были близки и эстетические воззрения Я. Гримма. Природа этой близости кроется в схожести духовной организации – психического склада и мироощущения – обоих исследователей народной культуры и проблемы мифотворчества.

Постоянно высвечивая высоконравственные и высокохудожественные стороны коллективного народного творчества, Ф. И. Буслаев использовал объяснения Я. Гримма о достоинствах «истин-

ной» (самородной, безыскусственной) – искренней и свежей – эпической поэзии и несовершенстве более позднего по времени возникновения авторского творчества, зависевшего от даровитости сочинителя и влияния противоречивых идейных потребностей его эпохи. В то время как «поэзия искусственная» может содержать ложь, обман [11, с. 57], народная поэзия «во всех отношениях хороша, потому что она *естественна*; потому что, будучи выражением творческого духа всего народа, свободно выливалась из уст целых поколений. К ней не прикоснулось никакое личное соображение. Красота ее... как и красота самой природы. И как произведения природы потому только прекрасны, что это качество согласно с их внутренним организмом, со всем существом их... Безыскусственная поэзия всех народов и всех времен высоко нравственна, точно так же, как в природе физической здоровье – необходимое условие красоты» [9, с. 408. – Курсив Ф. И. Буслаева], – уверенно рассуждал Ф. И. Буслаев.

Перечисление в творчестве Ф. И. Буслаева рецепций идей, теоретических положений, философских обобщений корифея немецкой филологической науки первой половины XIX в. можно было бы и продолжить, хотя и приведенных выше материалов достаточно, чтобы понять, насколько значительным было влияние Я. Гримма на формирование научного мировоззрения нашего знаменитого соотечественника.

Благодаря детальному изучению Ф. И. Буслаевым всей научной продукции Я. Гримма в русском гуманитарном знании стали распространяться самые передовые в Европе основанные на твердо доказуемой базе методы исследования и правила осуществления истинно научного дискурса.

Примененные Я. Гриммом технологии «историко-филологической критики» давали его последователям возможность грамотно отделять ранние, принадлежавшие древнейшей эпохе, слои народного творчества от свидетельств позднейшего времени, используя для этого сравнительный анализ «мелких языковых подробностей», фигур и оборотов речи (сравнений, эпитетов), а также подвижек в образных религиозно-мифологических представлениях [8, с. 378]. Очищенные подобным образом пласты текстов представляли перед исследователями в «самостоятельном целом», без «подновлений», искажавших их первоначальное значение [8, с. 378].

Помимо этой разновидности сопоставления разновременных языковых форм и ментальных образов, которая сейчас называется диахронным

анализом, Я. Гримму как специалисту в индоевропеистике приходилось активно использовать синхронный вариант сравнительных процедур [12, с. 55–65]. В работах Ф. И. Буслаева мы также постоянно имеем дело со сравнительным и сравнительно-историческим анализом как лексических единиц, так и текстов родственных индоевропейских народов: германцев, скандинавов, южных, западных и восточных славян, древних индийцев и др. При помощи синхронного анализа он стремился выявить общие этим народам «первобытные основы в языке, преданиях, верованиях и быте», подчеркнуть своеобразие этих компонентов духовной и материальной культуры индоевропейских племен, появившиеся в процессе их самостоятельного развития.

Образцом осуществления данных культурно-исторических реконструкций вновь служили работы Я. Гримма, который «приспособил к истории языка» сначала материалы сравнительного изучения индоевропейских языков, осуществленные как им самим, так и «Боппом, Поттом, Бенфеем, Бюрнуфом» [3, с. 470], а затем на этой надежной научной основе смог производить дальнейшие реконструкции немецких древностей: мифологии, обычного права, семейного быта⁴.

Ф. И. Буслаев тоже мог гордиться своими успехами в деле открытия «новых фактов в славянских наречиях вообще и в языке русском – в частности», потому что по мере накопления материалов, проверенных с «математической точностью», у него появлялись возможности создания «полной системы сравнительно-исторической русской грамматики» [3, с. 471], которая помогла ему доказать положение о том, что «язык русский только в связи с прочими славянскими наречиями, только как член целого состава языка славянского входит в состав сравнительной грамматики индоевропейских племен» [3, с. 473]. Способность каждого славянского наречия, имевшего «собственную отличительную физиономию», удерживать «в себе какую-либо развалину», общую всем славянским наречиям, а также «обширнейшему и совершеннейшему организму языков индоевропейских» [3, с. 473], стала для Ф. И. Буслаева, как и для Я. Гримма, инструментом познания недостающих звеньев «жизни народа», «характера народа», «самой души народа» [3, с. 478, 479, 483]. «Само собой разумеется, – утверждал исследователь, – что понятия народные, предания и обычаи, извлекаемые из форм языка, относятся к древнейшему периоду, когда слово понималось в своем собственном, коренном значении [а не как знак передачи мысли. – М. Н., Т. П.]... Таким образом,

по языку воссоздаются первоначальные предания и обычаи народа» [7, с. 486], – делал он вывод, подводя, как и Я. Гримм, под свои культурно-исторические разыскания филологический фундамент.

Особый интерес для Ф. И. Буслаева представляло изучение «мифического быта Древней Руси... сравнительно с мифологией прочих индоевропейских народов» – эту проблему применительно к соотечественникам и, естественно, на немецких источниках незадолго до него начал разрабатывать Я. Гримм. Компаративный анализ мифотворчества давал Ф. И. Буслаеву ключ к ответам на следующие вопросы: «Что взято нашими предками от общего индоевропейского достояния? Что принадлежит нам сообща с другими славянскими племенами? Что развито собственной жизнью Древней Руси?» [7, с. 445]. Сопоставление всех «мифических» сведений из разножанровых произведений народной словесности, образов героев «мифических преданий», сказочных персонажей⁵, помимо ценных сведений об уникальности мифологического типа мышления, предоставляло ему возможность в очередной раз подтвердить вывод Я. Гримма⁶ о бережном отношении каждого народа к универсальному базовому субстрату национальной культуры, который, формируя дух народа, защищал его от интервенций чуждой наносной иноземной культурной традиции. «Национальная сила преданий так велика, что претворяет в неотъемлемую, родовую собственность все, что привходит в народный быт извне... Старина во все не имеет способности сдаваться на чужие поверья, упорно отражая от себя все иноземное. Но если что и вошло в древнейший быт извне, то, вошедши, тотчас отождествлялось с убеждениями и воззрениями, составляющими народность» [7, с. 453].

Многочисленные параллели в размышлениях Я. Гримма и Ф. И. Буслаева, успешно и в одном направлении проведенные опыты сравнительно-исторического изучения языковой базы данных дали повод А. Н. Пыпину сделать вывод о том, что уже «при первом сличении не трудно увидеть, что как ни глубоко был проникнут г. Буслаев любовью к народному миру, сколько ни положил он внимательного и самостоятельного труда, остроумия и поэтической отгадки на изучение русской старины, руководящая основа его изысканий лежала в “гениальных открытиях” Гримма» [20, с. 708].

Русская школа последователей Я. Гримма, во главе которой стоял Ф. И. Буслаев, разделила, по мнению этого литературного критика, достоин-

ства и недостатки «первообраза». Главным достижением ведущего продолжателя дела Я. Гримма в России А. Н. Пыпин назвал то, что Ф. И. Буслаев первым в отечественной науке научно обосновал теоретико-методологические подходы к изучению народности, обобщил «массы материала для объяснения народной старины и поэзии». Средствами историко-филологического анализа он определил «источники и способы народного поэтического творчества, склад мифических и бытовых представлений». Впервые проникнув в «древнейшие эпохи языка и быта», Ф. И. Буслаев узнал о «свойствах первобытных поэтических представлений», а также проследил «судьбу эпической песни от ее зарождения до позднейшей эпохи народной жизни» [20, с. 695, 696].

Но и «слабые стороны учения» Я. Гримма, по мнению критика, также во всей полноте обосновались в сочинениях русского ученого.

«Высокое уважение» к народной словесности вместо привычного снисхождения к «грубости народных понятий и поэзии», сочувствие к высоким нравственным началам – константному признаку безыскусственной словесности, «любящее отношение к простым созданиям народа» – эти «капитальные заслуги» Ф. И. Буслаева А. Н. Пыпин связывал с плодотворным воздействием на научное мировоззрение ученого культуры умственного труда романтизма в лице Я. Гримма [20, с. 701, 702]. «Романтический туман» немецкого историка культуры «и под пером нашего исследователя придавал поэтические очертания нашей собственной старине». Она воспринималась Ф. И. Буслаевым «общенародным достоянием», всем понятным и близким, «наивным, но нравственно чистым и возвышенным, хранящим исконное народное мировоззрение» и потому являвшимся залогом единства «народного характера» [20, с. 695, 704].

Однако «романтическая привязанность к старине» истового поклонника Я. Гримма осознанно заставляла его наделять древность только «привлекательными чертами», считал А. Н. Пыпин: «Гримм почти сожалел о Средних веках, об исчезновении многих обычаев, хотя жестоких и грубых, но поэтически окруженных. Похожее настроение не трудно видеть и в археологических взглядах Ф. И. Буслаева» [20, с. 721].

Возглавив «школу» последователей Я. Гримма, Ф. И. Буслаев, как и его авторитетный учитель, с энтузиазмом и неослабным терпением стал собирать и объяснять все «развалины» национальной старины: устные предания (сказки, песни, суеверия, обычаи) и письменные памят-

ники отечественной древности. Он проделал колоссальную работу, чтобы, как Я. Гримм, научиться «по-детски наивно» ощущать «дух древности», а также уяснить, «как выражался дух народа в своих идеальнейших представлениях в эпоху нетронутой национальной жизни до введения христианства» [19, с. 100, 101]. Если до Ф. И. Буслаева о древнейшем языческом периоде жизни восточных славян, и русского народа в том числе, знали только по скудным сообщениям летописей, то под пером нашего именитого соотечественника «мифологическая древность» предстала в цельном и связном мире преданий, которые начинались с первобытной (индоевропейской) языковой архаики и заканчивались современным художественным творчеством. В любом сохранившемся в народной памяти суеверии он находил следы первобытной религии; в сказке и былине угадывал языческую космогонию; эпос, представлявшийся ему истинным созданием народной поэзии, он рассматривал основным источником для реставрации славянской мифологии.

Однако возраст и состояние источников, порой наспех собранных и поверхностно изученных, как это позже выяснили ученики и последователи Ф. И. Буслаева, скомпрометировали многие его выводы, поставив под сомнение достоверность всей его концепции. Оказалось, что в качестве первоисточника «мифического предания» для изучения менталитета русской народности он мог брать сказки и саги «чужого происхождения»; что тот «мифологический материал», который он считал плодом народного мирозерцания, свято хранимым от самой глубины веков до настоящего времени, на деле представлял свидетельством уже совсем иной, а не «древнейшей формации», причем имевшим «книжное или иноземное происхождение»; что к языческому мифу он мог подводить «христианские предания и церковную символику» [19, с. 104, 105; 20, с. 714, 718, 719].

Аналогичные замечания: расположение сопоставляющихся явлений культуры в «мнимо-историческом порядке, стремление всюду видеть и вскрывать мифическую древность» – отмечал в работах Ф. И. Буслаева спустя почти сто лет после А. Н. Пыпина исследователь русских сказок В. Я. Пропп [18, с. 119, 120].

Кроме этих погрешностей, которые ученые конца XIX в. находили в наследии Я. Гримма, А. Н. Пыпин обращал внимание на методологические ошибки, допущенные, по его мнению, и Ф. И. Буслаевым. Одна из наиболее существенных виделась ему в «слишком буквальном при-

менении к русскому материалу метода, выработанного на материале германском» [19, с. 151]. Сам идейный посыл использовать мифологию германских племен для восстановления недостающих звеньев славяно-русской мифологической системы, обоснованный всего лишь генетическим родством индоевропейской семьи народов, стал подвергаться сомнению, так как истории литературы второй половины XIX в. уже ясно отдавали себе отчет в том, что потомки «арийских» племен, расселившиеся на необозримых просторах Европы, к началу принятия ими христианства находились на принципиально разных ступенях своего культурного и цивилизационного развития, что само по себе не могло не препятствовать механическому усвоению «отсталыми» народами сложных мифологических систем культурно продвинутых племен индоевропейцев.

Мифологи и фольклористы конца XIX в. пытались разрушить уверенность Ф. И. Буслаева в неизменности исконного содержания народной поэзии, якобы способной сохранять следы мироощущения и быта людей доисторической эпохи, а также в существовании прямой преемственности между архаическими пластами народно-поэтического творчества и современной народной культурой. Они все чаще стали делать акцент не на унитарной инерционности сохранявшей народный дух традиционной культуры, а напротив, обращать внимание на сложность, пестроту, пространственно-временное своеобразие всех форм выражения художественного сознания народа. Эти формы начинали восприниматься хранилищем и старых и новых компонентов народных представлений и повседневной жизни, симбиозом самобытного, или подлинно национального, и чужого, заимствованного из иноземных культурных контекстов, единством и устной (коллективистской), и письменной (авторской) форм мышления. В частности, в русском народном эпосе было выделено четыре слоя: древнейшие арийские предания; общеевропейский эпос; общеславянская традиция и собственно русский пласт словесности. В «современном народном мировоззрении», таким образом, было сохранено гораздо меньше остатков «первобытного язычества», чем это казалось апологетам гриммовской теории, и прежде всего Ф. И. Буслаеву [19, с. 178, 282, 291].

Сам исследователь, похоже, не замечал этих недостатков в своих трудах, а если и соглашался со своими оппонентами, не желал что-либо корректировать [4, с. III, IV], переключив сферу своих познавательных интересов в направлениях

истории изобразительного искусства и этнографии. Достигнув зрелого возраста, он смог более критично подойти к учению Я. Гримма и даже скромно высказывать несогласие с некоторыми умозаключениями своего научного наставника. Однако они касались только философских аспектов языкознания [3, с. 491; 10, с. 518], где признанным авторитетом слыл не исследователь немецкой народности, а известнейший философ-языковед первой трети XIX в. В. Гумбольдт.

Чтобы подчеркнуть оригинальность теоретических построений Ф. И. Буслаева, отметим, что он отверг учение Я. Гримма о божественном происхождении мифологии, не пытаясь чрезмерно противопоставлять народную поэзию художественной литературе, как это делал Я. Гримм. Кроме того, усвоив основы гриммовского сравнительно-исторического метода, он осуществлял свои исследования совершенно независимо от немецкого ученого, постепенно сменяя позицию «ученика» ролью ученого, заново и с самостоятельных позиций осмысливавшего его теорию на новом материале для решения совершенно новых, актуальных для российского культурно-исторического пространства задач [1, с. 53, 54].

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики : в 2 т. [Текст]. – Т. 2. – М., 1963.
2. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания / Изд. В. Г. фон Боля [Текст]. – М., 1897.
3. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 470–493.
4. Буслаев, Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки [Текст]. – СПб., 1887.
5. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка : учеб. пос. для ст-в пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / сост. И. Ф. Протченко, Л. А. Ходякова. – М., 1992. – С. 25–373.
6. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 151–209.
7. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 439–469.
8. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 377–400.
9. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] // Там же. – С. 401–454.
10. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с

санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 516–537.

11. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 1–77.

12. Гримм, Я. Немецкая мифология [Текст] / пер. с нем. А. А. Гугнина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1987. – С. 54–71.

13. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов [Текст]. – Л., 1991.

14. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе [Текст] / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1987.

15. Коккьяра, Дж. История фольклористики в Европе [Текст] / пер. с ит. А. Венедиктова и М. Кирилловой; ред. и вступ. ст. Е. Мелетинского. – М., 1960.

16. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры [Текст] : учеб. пособие. – М., 1997.

17. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Интеллектуальные вызовы 30–60-х гг. XIX в. в научных рефлексиях Ф. И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 272–277; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Духовная жизнь народа: новое направление в творчестве Ф. И. Буслаева в эпоху господства культуры романтизма [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 209–218; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Ф. И. Буслаев: идейно-политические акценты исследования проблемы народности [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 302–307; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Проблема народности в лекционных курсах Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 227–237; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Новые акценты теории народности Ф. И. Буслаева в эпоху Великих реформ [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 307–315; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Ф. И. Буслаев о ценностно-смысловом содержании древнерусского изобразительного искусства [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 365–377.

18. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи [Текст]. – М., 1976.

19. Пыпин, А. Н. История русской этнографии [Текст]. – Т. 2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. – СПб., 1891.

20. Пыпин, А. Новейшие исследования русской народности [Текст] // Вестник Европы: журнал истории, политики, литературы. – 1883. – Кн. X. Октябрь. – С. 695–742.

21. Степанов, Ю. С., Проскурин, С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия [Текст]. – М., 1993.

22. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст]. – М., 1997 (Тради-

ционная духовная культура славян / Современные исследования.)

Bibliograficheskiy spisok

1. Azadovskij, M. K. Istorija russkoj fol'kloristiki : v 2 t. [Tekst]. – Т. 2. – М., 1963.

2. Buslaev, F. I. Moi vospominanija / Izd. V. G. fon Boolja [Tekst]. – М., 1897.

3. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, st. i komment. A. L. Toporkova. – М., 2006. – S. 470–493.

4. Buslaev, F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki [Tekst]. – SPb., 1887.

5. Buslaev, F. I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka [Tekst] // Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo jazyka : ucheb. pos. dlja st-v ped. in-tov po spec. «Rus. jaz. i lit.» / sost. I. F. Protchenko, L. A. Hodjakova. – М., 1992. – S. 25–373.

6. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – S. 151–209.

7. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – S. 439–469.

8. Buslaev, F. I. Russkaja poezija XI i nachala XII veka [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. – S. 377–400.

9. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] // Tam zhe. – S. 401–454.

10. Buslaev, F. I. «Sravnenie russkih slov s sanskritskimi» A. S. Homjakova [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – S. 516–537.

11. Buslaev, F. I. Jepicheskaja poezija [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – Т. 1. – S. 1–77.

12. Grimm, Ja. Nemeckaja mifologija [Tekst] / per. s nem. A. A. Gugnina // Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, jesse / sost., obshh. red. G. K. Kosikova. – М., 1987. – S. 54–71.

13. Egorov, B. F. Bor'ba jesteticheskikh idej v Rossii 1860-h godov [Tekst]. – Л., 1991.

14. Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX–XX vv.: Traktaty, stat'i, jesse [Tekst] / sost., obshh. red. G. K. Kosikova. – М., 1987.

15. Kokk'jara, Dzh. Istorija fol'kloristiki v Evrope [Tekst] / per. s it. A. Venedikтова i M. Kirillovoj; red. i vstup. st. E. Meletinskogo. – М., 1960.

16. Kondakov, I. V. Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury [Tekst] : ucheb. posobie. – М., 1997.

17. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Intellektual'nye vyzovy 30–60-h gg. XIX v. v nauchnyh refleksijah F. I. Buslaeva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 272–277; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Duhovnaja zhizn' naroda: novoe napravlenie v tvorchestve F. I. Buslaeva v jepohu gospodstva kul'tury romantizma [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 209–218; Novikov, M. V., Per-

filova, T. B. F. I. Buslaev: idejno-politicheskie akcenty issledovanija problemy narodnosti [Tekst] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 3. – S. 302–307; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Problema narodnosti v lekcionnyh kursah F. I. Buslaeva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 4. – S. 227–237; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Novye akcenty teorii narodnosti F. I. Buslaeva v jepohu Velikih reform [Tekst] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 307–315; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. F. I. Buslaev o cennostno-smyslovom sodержanii drevnerusskogo izobrazitel'nogo iskusstva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 6. – S. 365–377.

18. Propp, V. Ja. Fol'klor i dejstvitel'nost': Izbrannye stat'i [Tekst]. – M., 1976.

19. Pypin, A. N. Istorija russkoj jetnografii [Tekst]. – T. 2. Obshhij obzor izuchenij narodnosti i jetnografija velikoruskaja. – SPb., 1891.

20. Pypin, A. Novejšie issledovanija russkoj narodnosti [Tekst] // Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki, literatury. – 1883. – Kn. X. Oktjabr'. – S. 695–742.

21. Stepanov, Ju. S., Proskurin, S. G. Konstanty mirovoj kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v periody dvoeverija [Tekst]. – M., 1993.

22. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj filologičeskoj nauke XIX veka [Tekst]. – M., 1997 (Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavjan / Sovremennye issledovanija.)

¹ Ф. И. Буслаев по-своему транскрибирует имя этого ученого, называя его Яковом.

² К ним относятся сборник сказок братьев Гримм («Kinder und Hausmärchen», 1812), «Испанские романсы» («Silva de romances viejos», 1815), «Немецкая грамматика» (Deutsche Grammatik, 1819), «История немецкого языка» («Geschichte der deutschen Sprache», 1848).

³ Заметим, что эта мысль присутствует и в современных культурологических исследованиях. К примеру, автор новой концепции русской культуры И. В. Кондаков утверждает: «Глубинные структуры культуры, исторически и социально укорененные в сознании и поведении многих поколений людей... при всей своей относительной исторической изменчивости – в своих основах константные, стабильные, а потому представляющие наиболее общее содержание,

объединяющее в себе различные исторические эпохи в развитии национальной истории и культуры» [16, с. 41].

⁴ Даже в наши дни подход к реконструкции культурных феноменов на лингвистической основе индоевропейских языков считается наиболее распространенным, так как «во всем мире только индоевропейский языковой континуум, фиксируемый на протяжении четырех тысячелетий в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии, представляет адекватную лабораторию для проведения такой процедуры». Суть ее заключается в том, что исследуемый материал разных социумов прослеживается вглубь, к общему исходному состоянию, «сопоставляемому на равных основаниях языку, обществу и культуре». Такая индуктивная историческая и доисторическая реконструкция прототипов (или архетипов) позволяет придать индивидуальную значимость самостоятельным элементам из разных языков и культур; широко и глубоко охватить материал «в нескольких измерениях», доказав либо его подобие, либо различие; легко установить названия предметов материальной культуры, флоры, фауны и другие с денотативной («вещной») семантикой. При реконструкции мировоззренческих лексем, различающихся не только в ареальных, но и в близкородственных традициях, надежность результатов снижается [21, с. 16].

⁵ См., к примеру, следующие работы Ф. И. Буслаева, вошедшие в первый том «Исторических очерков русской народной словесности и искусства»: «О средстве одного русского заклатья с немецким, относящимся к эпохе языческой», «О средстве славянских Вил, Русалок и Полудниц с немецкими Эльфами и Валькириями», «Областные видоизменения русской народности», «Песни Древней Эдды и Муромская легенда», «Сказание Новой Эдды о сооружении стен Мидгарда и сербская песня о построении Скарда», «Славянские сказки».

⁶ Я. Гримм, делясь своим опытом изучения немецкой мифологии, считал важным направлением исследования обоснование природы «взаимных влияний или отталкиваний». Подготавливая своих последователей к трудностям, которые у них могут возникнуть при изучении культурных контактов народов древности, он сообщал: «Кажется, что по самой природе – своей каждому народу – дано свойство самоограждения и противостояния чужим воздействиям. Языку, эпосу привольно лишь в своем кругу... Из этой сердцевины исходит развитие, исполненное внутренней силы и глубочайших порывов, и в нашем древнейшем языке, поэзии и сказаниях мы едва ли обнаружим чужие примеси» [12, с. 60].